

*Н. М. САВЧЕНКОВА**

ПСИХОАНАЛИЗ КАК АВАНТЮРА МЫСЛИ:
З. ФРЕЙД И Ш. ФЕРЕНЦИ**

Аннотация: В статье рассматривается теоретический диалог и творческое общение создателя психоанализа и одного из его ближайших учеников и соратников. Внимательное изучение этих сложных отношений дает возможность рассмотреть психоанализ в институциональной и коммуникативной методологической перспективе — не только как корпус признанных идей, но как процесс теоретического фантазирования, прецедент формирования сообщества, изобретение специфического intersubjective опыта.

Ключевые слова: психоанализ, теоретическое фантазирование, коммуникация, intersubjective опыт, изобретение отношений, перенос, позиция аналитика, взаимный анализ.

N. M. SAVCHENKOVA

PSYCHOANALYSIS AS AN ADVENTURE OF THOUGHT:
S. FREUD AND S. FERENCZI

Annotation: The article deals with the theoretical dialogue and creative communication between the creator of psychoanalysis and one of his closest disciples and associates. A careful study of these complicated relationships makes it possible to consider psychoanalysis in the institutional and communicative methodological perspective — not only as a corpus of recognized ideas, but as a process of theoretical fantasizing, a precedent of the formation of a community, the invention of a specific intersubjective experience.

Key words: psychoanalysis, theoretical fantasizing, communication, intersubjective experience, invention of relationships, transfer, analyst's position, mutual analysis.

* *Савченкова Нина Михайловна*, д. филос. н., проф. кафедры междисциплинарных исследований и практик в области искусств СПбГУ, проф. кафедры теории психоанализа ВЕИП.

** Текст подготовлен в рамках НИР СПбГУ «Опыты любви и практики истины в современной философии и кинематографе», ID в системе PURE 53363306.

В многочисленных историях психоанализа речь идет о том, что существует: о людях, теориях, направлениях, клинических случаях. Факты и события усиливают впечатление определенности и достоверности произошедшего. В теории и эпистемологии тенденция та же. Психоаналитики заняты обоснованием и легитимацией психоаналитического знания. Однако проблема в том, что с момента своего возникновения ни одного дня психоанализ не был равен себе, оставаясь идеей, намерением, ночным озарением, критическим комментарием, ретроверсивной рефлексией, теоретической фантазией, изумляющим прецедентом. Академизм реконструкций уничтожает атмосферу времени, европейских надежд и разочарований начала XX века, ровно так же, как и атональный ритм формирования психоаналитического общества, с его аффективными вспышками, конфликтами зависимости и независимости. Психоаналитическое знание утрачивает свою связь с источником — intersubъективным опытом, а психоаналитики забывают о том, что род их занятий целиком произведен от страстных отношений нескольких людей: Фрейда и Флисса, Фрейда и Брейера, Брейера и Анны О., Фрейда и Юнга, Юнга и Сабинны Шпильрейн, Фрейда и Ференци, Ференци и Ранка, Фрейда и Ранка, Фрейда и Анны. Круг этот можно было бы несколько расширить, но он конечен, и его особенность состоит в том, что в этих сложно сплетенных личных отношениях всегда присутствовало нечто, что казалось еще более важным, чем сами эти отношения. Эту мысль, значимую для всех участников и ставшую средоточием этих человеческих связей, назвали психоанализом, связывая с ней собственную «решимость существовать». Да, нечто в этих отношениях было даже важнее, чем сами эти отношения.

Мераб Мамардашвили в статье «Вена в начале XX века» говорит об австрийском опыте как о «не гарантированном бытии», утрачиваемом и обретаемом вновь в личном свободном усилии — бытии, переживаемом как «незаконная радость». Наряду с Витгенштейном, Музилом, Рильке, Шенбергом, Кафкой, Фрейд и его друзья реализовывали «чудовищно новаторский опыт», изобретая и осваивая странную форму человеческой коммуникации, одновременно принадлежащую полю медицины, педагогики, философии, искусства. И я полагаю, что, совершая сегодня движение навстречу этому «учреждающему жесту», нет другой возможности, кроме как войти в эту сень, вернуться под знамена «переноса».

Спустя 50 лет английский психоаналитик Уилфред Бион, подрывая в самых основаниях европейскую привычку к психоанализу, его затертый образ, скажет о том, что психоанализ — одно из важнейших изобретений культуры, подобно религии или философии, нуждающееся для своего созревания не в одном и не в двух столетиях. Такой взгляд на психоанализ уже требовал от его адептов радикального изменения оптики. Собственная жизненная история, а также теоретический контекст Тэвистокской клиники, которому он принадлежал, послужили Биону мощнейшими преломляющими линзами, позволившими остраничь мысль Фрейда, схватить ее вне стремительно складывающихся жестких моделей чтения. До Тэвистока новости из мира психоанализа добирались, уже будучи опосредованы умами, чувствами, историями других людей, что побуждало, с одной стороны, к постоянным проясняющим усилиям, а с другой — обеспечивало необходимой дистанцией. Во многом поэтому психоанализ для Биона, например, не был связан исключительно с именем Фрейда. Ференци, Абрахам, Ранк, Кляйн воспринимались не как апостолы и проповедники, но, прежде всего, как равноправные изобретатели и соучастники психоаналитического проекта. Каждый из них был носителем сумасшедшей, невозможной мысли, странность которой впоследствии была «стерта» традицией. Предлагая вернуться к этим «диким» мыслям психоанализа, Бион, по сути, требует для психоанализа другого понимания истории. И есть еще одно существенное соображение. Фрейд, Ференци, Ранк, Абрахам, Кляйн, все они — не только авторы, но и герои психоаналитического предприятия. Противоположность автора и героя предполагает имманентность последнего тексту и «внезаходимость» ему первого. Множество противоречий и трудностей истории и теории психоанализа, на мой взгляд, связаны с тем, что Фрейд мыслится как создатель и автор психоанализа. Моя гипотеза состоит в том, что он, равно как и его ближайшие друзья и коллеги, герой собственного проекта. Эта логическая трудность — не только факт истории, но и основная коллизия аналитического кабинета, обрекающая психоаналитика на непрестанное и пристрастное исследование собственной идентичности.

Психоанализ представляет собой *aventure*, то есть приключение, связанное с учреждением, начинанием, исследованием границ, по меньшей мере, в трех сущностных областях. Это — изобретение коммуникации, опыт свободы и, собственно, психология, понятая как возможность познания душевной

жизни — своей собственной и другого человека. Используем же эту перспективу для реконструкции авантюрного потенциала психоанализа.

Будем исходить из того, что психоанализ изобретен людьми, глубоко захваченными друг другом, которые обнаружили решительность и последовательность в намерении быть честными по отношению к своим чувствам и которые пришли к неразрешимым противоречиям в попытках быть друг с другом. Этот предельно личный кадр был вписан в контекст, все более и более определяющейся интерсубъективной проблематики.

М. Фуко в «Психиатрической власти» тщательно реконструирует сцену возникновения психоанализа, вписывая его появление в логику развития психиатрического дискурса и, совсем конкретно, в коллизию игры и противостояния власти и субъекта, — на том ее этапе, когда медикализация психиатрии делает возможной локализацию такой сущности как «болезнь», и когда врачи научаются различать психическое и соматическое с помощью неврологических исследований. Благодаря этому в отношении «нервной» симптоматики достигнута фундаментальная ясность, безумец вытеснен на территорию собственно психического. «Прямая» встреча психиатра и безумца становится неизбежной, психиатр готовится к этому последнему поединку, предваряя его почти боевым кличем «дайте мне больше симптомов». И в ответ на этот призыв, говорит Фуко, на сцену выходит истеричка. Она приносит множество симптомов, которые противоречат или никак не связаны друг с другом, они не образуют целостной картины и, самое ужасное, они заново стирают столь дорого давшуюся границу между душой и телом. Соматические симптомы истерички не имеют никакого отношения к физическому состоянию ее органов и тканей.

Встреча доктора Брейера и Анны О. давно стала легендой психоанализа. Йозеф Брейер, в страхе бежавший от своей пациентки, описывается как первый человек, испытавший на себе силу переноса. В тени этой истории постоянно присутствует Фрейд, обсуждающий с Брейером детали случая, посещающий Анну О. впоследствии, размышляющий об удивительно тонком строении истерии. В 1895 году он пишет «Исследования истерии», где приводит наиболее показательные случаи из своей формирующейся практики, а в 1900 году он берет в анализ Иду Бауэр, которая спустя полгода «выставляет» Фрейда из своих терапевтов, заставляя его сокрушаться о том, что он «вовремя не распознал перенос». В записях клинических случаев 1895 года

мы видим, что принципиальное решение, которое принимает Фрейд, связано с его пассивной позицией. Отказываясь от «лечения», то есть, по Фуко, от борьбы за всеобщность истины и одного мира для всех, Фрейд переходит к неизвестному пока «слушанию». Однако речь идет не только о создании нового понимания психической жизни, но и о новом типе коммуникации.

От истории психоанализа неотделима история отношений Фрейда с его друзьями и коллегами. Переписка с Флиссом, дружба и разрыв с Юнгом, разочарование в Ранке не менее легендарны, чем история Анны О. и доктора Брейера. В большинстве этих случаев, отмеченных драматизмом, в отношении аналитиков вплетены их отношения с анализантами. В каждом из них могла бы прозвучать фраза о «вовремя не распознанном переносе». Термин этот то и дело мелькает как в описании клинических случаев и теоретических работах, так и в личной переписке. Рискнем предположить, что «перенос» становится первой поправкой к изобретаемой коммуникации и ее теории, стоящей под знаком принципа нейтральности и отказа от авторитета. Что же такое «перенос»? Является ли он чем-то, что применимо лишь к опыту анализанта в терапевтическом процессе? Что происходит между людьми, вовлеченными в дело психоанализа? Как связаны между собой аналитическая пара и аналитическое сообщество? Не является ли термин «перенос» своего рода «шапкой», под которой — разнообразные связи и специфические коммуникативные сгущения? Попробуем в этой перспективе заново взглянуть на такую сущностную для истории и теории психоанализа пару, как Фрейд и Ференци. В этом рассмотрении мы будем руководствоваться не только перспективой «авантюры», но и гипотезой сообщества, предположением о том, что смыслы психоанализа производились и вырабатывались совместно, в постоянном опосредовании сознанием другого человека, что мысли эти неоднократно меняли контекст собственного существования и вновь возвращались в него, измененными.

Шандор Ференци познакомился с Фрейдом в 1908 году. Т. Бокановски в замечательной книге о нем, пишет, что впервые Ференци прочитал «Толкование сновидений», как только книга вышла, и она не произвела на него впечатления. Но вскоре об этой книге упомянул его друг, Филипп Штейн. Ференци вновь обратился к «Толкованию...», и на этот раз впечатление оказалось сильнейшим. Под его влиянием он немедленно написал Фрейдю письмо с просьбой о встрече. Последняя состоялась, положив начало многолетней

дружбе. Все годы этого общения роль Ференци была связана с образом младшего друга и преданного ученика, — и он ее исполнял с безусловной искренностью. Соперничество, конкуренция, разочарование, — все то, что возникало в отношениях Фрейда с другими, никогда не становилось проблемой для Ференци. Его личная позиция бескорыстно и безоглядно зиждилась на желании в его наиболее чистой форме — оно было желанием Другого. Проблемой для обоих стала абсолютность предъявляемого требования, превращавшая желание в чистую форму вопроса «чего ты хочешь?»

К личным обстоятельствам, очевидно, повлиявшим на обоюдную расположенность двух умов, относилась принадлежность к книжной культуре. Ференци, подобно Фрейду, был «книжный червь», но только если для Фрейда эта метафора служила хорошим инструментом самоописания, то сын антиквара-букиниста Ференци буквально был им, поскольку вырос в книжной лавке и его опыт общения с книгами носил органолептический характер. Другим важным моментом стало отношение к медицине. Оба получили медицинское образование, но Фрейд, с его страстью к теории и концептуализации, дистанцировался от медицинского способа мышления и от медицинской повседневности, связанной с постоянным психическим и телесным контактом с другими людьми. Ференци же, врач по призванию, наделенный «беспокойным умом», чувствительностью и желанием заботиться о другом»¹, был как будто наилучшим образом приспособлен для помощи другим людям. Также парадоксальное различие между ними состояло в том, что, сопротивляющийся медицинскому способу мышления Фрейд, в своем стремлении концептуализировать психическое, испытывал серьезные внутренние ограничения со стороны научности и объективизма. Тогда как Ференци, будучи не критическим носителем научного сознания, с такими ограничениями не сталкивался и свободно концептуализировал, ничуть не смущаясь фантастическим характером тех или иных построений. Можно сказать, что именно этот парадокс обеспечил работу их совместной интеллектуальной машины. Так вышло, например, при разработке концепции истерии.

В «Исследованиях истерии» Фрейд обратил внимание на связь, существующую между событием в прошлом и истерическим симптомом. Новизна гипотезы состояла в том, что травматическое событие не идентифицировалось пациентом как таковое, а иногда было представлено цепью частичных травматических событий. Для того, чтобы возникла связь между психическим

содержанием события (неприятным переживанием, испугом, шоком, стыдом) и соматическим симптомом, нужны были дополнительные условия в виде гипноидного состояния сознания (которое часто возникает в условиях травматического воздействия), в котором «как бы образуется более или менее хорошо организованная рудиментарная структуру второго (альтернативного) сознания», вторгающегося в процессы соматической иннервации, либо в виде активации истерогенных зон — эти сверхчувствительные зоны запускаются воспоминаниями. Оба эти условия Фрейд считал пересекающимися и дополняющими друг друга, стратегия же излечения истерии была связана для него с уничтожением «самостоятельности» двух сознаний и с прокладыванием пути к «обычному сознанию». Немного позже истерия стала пониматься как конфликт сил, появились термины «вытеснение» и «вытесненное», конкретизирующие это столкновение, невроз занял свое место в системе других психических феноменов, наряду с «личным сновидческим психозом» (или просто — сновидением), непреднамеренными забываниями, ошибочными действиями, остротами, — сформировалось то, что можно назвать политикой и этикой истерии. Ференци целиком разделял фрейдову теорию истерии. Как и в случае анализа других феноменов, он всегда начинал с изложения и отстаивания взглядов учителя и лишь затем сосредотачивался на тех конкретных вопросах, которые были интересны ему. Так, например, в ситуации с истерией его внимание было захвачено тем, что Фрейд назвал «прыжком из психического в соматическое».

Можно было бы сказать, что, как врач по призванию, Ференци имел другое переживание тела пациента, симптом для него не был только и исключительно свидетельством или доказательством, скорее, он был воплощением самой телесной жизни, и Ференци смотрел на него в контексте имманентной логики целого организма. Еще одна мысль Фрейда была для него очень важна — тезис о связи истерии с сексуальностью. В «Трех очерках по теории сексуальности» Фрейд описал становление взрослой сексуальности как процесс объединения частичных влечений под знаком генитальности. Генитальная эротика была признана им зрелой формой эротизма, сопряженной с механизмами субъективации (комплексом кастрации и Эдиповым комплексом). Для Ференци загадочным моментом оказался именно факт объединения, и он постоянно задавался вопросом о том, почему непременно должно произойти это объединение под приматом генитальности. Метапсихологические

размышления Фрейда о двух принципах психической деятельности также оказали на его мысль сильное влияние. В итоге оба трудных вопроса нашли свое разрешение одновременно.

Опираясь на общее понимание живого, Ференци предположил, что жизнь органов и тканей определяется двумя тенденциями. Первая связана с системными требованиями и есть строго функциональный ответ органа, опирающийся на совершившуюся дифференциацию и специализацию клеток. Эта тенденция находит свое воплощение в работе органа. Другая же связана с деятельностью чистого возбуждения и разрядки, с эротизацией органа, или, точнее, его генитализацией. Исключительность генитальной зоны может быть мотивирована именно обретенной способностью использования тканей с целью получения удовольствия. Поскольку эта деятельность не направлена на достижение результата иного, чем удовольствие, и отвечает формуле «целесообразности без цели», ее можно назвать игрой. Способность эта, равно как и само эротическое удовольствие, универсальны и могут «перехватываться» другими органами. В этом случае они выключаются из системного функционирования и замыкаются на себе, образуя изолированный круг иннервации, обслуживающий выполнение простых моторных действий. Возникает то, что можно назвать «дурными привычками» организма. Стенка кишечника начинает «играть» с его содержимым, отдельные мышечные волокна произвольно сокращаются, появляются телесные ощущения, соответствующие фантазматическим объектам. Истерический симптом и есть генитализация органа, ситуация, когда тело фантазирует. Классификация симптомов возможна по направленности фантазии, характер симптома и его тип определяется позитивным или же негативным фантазированием. Так, истерический *globus hystericus* есть не что иное, как генитализация гортани, связанная с фелляторной фантазией, следствием которой становится появление «эротически осмысленного тела»². Тогда как истерическая утрата глотательного рефлекса обусловлена страхом перед этой же фантазией и запретом на ее проживание.

Для Ференци важен именно онтологический статус этих объектов. Он задается вопросом: что это означает, что «тело фантазирует»? Является ли *globus hystericus* галлюцинацией? Использованное Ференци выражение («эротически осмысленное тело») уже говорит нам о том, что нет, термин «галлюцинация» в данном случае неуместен. «Ком в горле» — нечто действительно синтезированное, речь идет о реальном изменении чувствительности,

о телесной модификации. Путь создания истерического симптома по Фрейд — это путь регрессии и галлюцинаторного восприятия. Ференци еще более обостряет эту мысль. Регрессия при истерии затрагивает тело, с ним, на самом деле, нечто происходит. В отличие от галлюцинации процесс этот можно назвать «материализацией», что позволяет, с одной стороны, указать на гилетический характер процесса, на тот факт, что он совершается в материальном и посредством материального, как бы «раздвигает» саму сферу материального, с другой же стороны, в этом термине отчетлив смысл воплощения, «магического всемогущества», той способности, которая вечно будет соперничать с реальностью, в этой борьбе формируя индивидуальные смыслы реального.

Все многообразие истерических симптомов, связанных с анестезиями, парестезиями и гиперэстезиями, контрактурами, конвульсиями, тиками, невралгиями может быть понято как специфический язык, истерическая идиоматика. Тенденция, связанная с получением удовольствия, с точки зрения Ференци, настолько сильна, что, если бы не необходимость выживания, мобилизующая организм как целое, мы могли бы вообразить ситуацию тотальной психотизации человеческого тела, когда каждый орган перешел бы в режим повторения и был бы занят получением своего собственного удовольствия, когда жизнь тела свелась бы к некоей множественности тиков*.

Разрабатывая теорию истерии, Фрейд обращал внимание на ее театральную составляющую. Однако для Фрейда она была скорее идеологическим моментом, воплощенным в драматизации жизненного конфликта и логике «послания», обращенности к другому. Ференци принимает метафору и дает ей предельно конкретную разработку, связанную с механикой телесности, с телом как творческим агентом жизненного процесса, исполненного онтологических коллизий. Для Ференци совершенно очевидно, что тело вовлечено в процесс мышления, и сама машина мышления создается в силу необходимостей и почти неразрешимых задач, которые жизнь ставит перед индивидуальным организмом. Своими размышлениями Ференци переносит читателя в область феноменологии и метафизики бытия телом. Это неожиданное углубление пространства воображаемого, неожиданное тем более, поскольку

* Нельзя не заметить, что образ тотально психотизированного тела становится чрезвычайно важным для аналитики телесности в философии XX века, начиная от Батая и Арто вплоть до шизоанализа Жюль Делеза. В своей интерпретации Ференци буквально предвосхищает идею тела как «машины желания» и «тела без органов».

исполнено носителем медицинского дискурса и, тем самым, гарантом *common sense*, должно было сослужить очень важную службу для Фрейда — позволить ему сделать еще один необратимый шаг в поле сновидческого опыта, в фантазийную реальность психического мира другого человека.

Но вернемся к проблеме переноса. Как известно, психоаналитическая коммуникация, наряду с позицией аналитика, требует для себя специфических пространственно-временных условий — сеттинга. Выполнение этих необходимых условий дает возможность обживания фантазийного мира другого. Воспоминания, впечатления и переживания другого человека не должны восприниматься тем же способом, каким воспринимается любая информация из внешнего мира. В естественных условиях мы не располагаем хабитуальностью, которая позволила бы нам жить во внутреннем мире другого человека. Это возможно лишь в порядке исключения, в ситуации долгой и пристальной сосредоточенности на ком-либо, но даже и последнее проблематично, поскольку такая сосредоточенность обычно мотивирована личным интересом, желанием, страстью, стремлением присвоения, или же любованием, что существенно препятствует нам в том, чтобы быть неизвестными странниками иного душевного ландшафта. Структура внутреннего мира другого требует специфической хабитуальности, отмеченной «страстной незаинтересованностью», которой Гуссерль наделял трансцендентального субъекта. Задача Фрейда состояла также и в том, чтобы изобрести этот способ присутствия, и, в этом смысле, дружбы Фрейда, средним термином в которых всегда был психоанализ, служили очень важным источником понимания того, каким образом внутренний опыт другого может быть разделен.

Так, в истории психоанализа и формирования психоаналитического общества немаловажную роль сыграли «конгрессы» Фрейда с Флиссом, то есть те несколько дней, которые они выкраивали для встреч и проводили в разговорах; путешествия с друзьями-психоаналитиками; культура почти ежедневной переписки с коллегами; путешествие в Америку, куда Фрейд, Юнг и Ференци плыли на корабле «Джордж Вашингтон», беседуя и рассказывая друг другу свои сны. Этот тип разговора-грезы, отмеченный интимностью и «скользящей» дистанцией, позволяя сформировать отношения, где взаимная открытость и откровенность были очень важными обстоятельствами. Несомненно, последнее предполагало для их участников глубокую затронутость другим, что по-разному проживалось каждым. Для Фрейда этот тип коммуникации служил источником наблюдений и пространством формирования

новых навыков, в частности позволял выработать навык «свободно распределенного внимания» в отношении мысли другого. Юнгу это позволило острее осознать собственную автономию. Для Ференци этот тип отношений всегда служил экзистенциальным и метапсихологическим вызовом. Если для Фрейда «скользящая» дистанция оставалась техническим приемом, позволявшим реализовывать работу собственного интеллектуального аппарата, для Ференци она поднимала вопрос о близости как фундаментальном феномене отношений с Другим.

Известно неудачное путешествие Фрейда и Ференци в Палермо, в ходе которого Фрейд писал Джонсу о том, что Ференци подобен капризному младенцу и предъявляет ему слишком большие требования. Ференци же, в свою очередь, был удручен внезапной холодностью и отстраненностью Фрейда. Очень скоро любовная коллизия Ференци еще более усложнила отношения учителя и ученика. Влюбленный в Гизелу Паллош, которая была замужем, Ференци согласился провести психоанализ с ее дочерью, страдающей депрессиями. В ходе терапии аналитик обнаружил себя влюбленным в Альму и встал перед выбором. Гизела готова была пожертвовать своим счастьем ради счастья дочери. Ференци прекратил анализ Альмы и обратился к Фрейду с просьбой принять ее в терапию. Фрейд ответил согласием. Намерение Ференци состояло в том, чтобы убедиться, выдержат ли чувства Альмы проверку анализом. После нескольких месяцев работы с Фрейдом Ференци вновь взял Альму в анализ. Итогом всех этих перипетий стал отказ от Альмы, она вскоре вышла замуж и уехала в Америку, Ференци же в конце концов соединился с Гизелой Паллош и в 1914 году начал свой собственный анализ с Фрейдом.

Психоанализ, проведенный шаттлами, занял шесть недель и был завершен. Однако спустя несколько лет Ференци объявил его незаконченным и попросил продолжения. Претензия его состояла в том, что Фрейд не завершил работу с переносом, что неизбежно потребовало бы и исследования контрпереноса. В работе «Анализ конечный и бесконечный» Фрейд обсуждает этот эпизод и отвергает претензии Ференци. Он пишет: «Человек, прошедший анализ, становится в оппозицию к своему аналитику, упрекая его в том, что тот не провел полный анализ. Ведь ему следовало знать и учитывать, что отношения переноса никогда не бывают лишь позитивными; он должен был рассмотреть и возможность негативного переноса. Аналитик оправдывается тем, что во время анализа не было никаких признаков негативного переноса. Но даже если предположить, что он проглядел едва заметный признак

такового, чего нельзя исключить, учитывая ограниченные возможности анализа в ту эпоху, все же сомнительно, по силам ли было ему активизировать тему, просто указав на нее, коль скоро в тот момент для самого пациента она не была актуальна»³.

Интонация фрагмента свидетельствует о недоумении Фрейда. Между Фрейдом и Ференци созревает конфликт, истоки которого — в понимании самой психоаналитической коммуникации. Все это время, пока длится жизнь и ее коллизии, и Фрейд, и Ференци ведут психоаналитическую практику, размышляя над аналитическим взаимодействием и пытаясь его концептуализировать. Стратегия Фрейда состоит в прояснении и осмыслении первоначально заданных условий (нейтральный аналитик, свободные ассоциации, интеллектуальная интерпретация, проработка), в оттачивании классической модели. Ференци непрерывно задает вопросы, экспериментирует, революционизирует, опровергает сам себя, предлагает новые решения. В его понимании техники психоанализа исследователи выделяют три этапа — активная техника (1918–1926), гибкая (эластичная) техника (1926–1929), неокатарсис и взаимный анализ (1929–1933)*.

Существенно, что эти поиски во многом являются ответом на тот вызов, каким является для Ференци сам Фрейд. Он пишет о том, что пытается справиться с собой с помощью методичного самоанализа, с помощью сублимации, но, по-видимому, поскольку сам Фрейд неотделим от психоанализа, разрешение этих отношений неизбежно ведет в аналитический кабинет. Сам Фрейд полагал, что в случае с Ференци, перенос на его личность проще всего превратить в перенос на психоанализ.

Итак, возникает своего рода герменевтический круг. От Фрейда Ференци бежит к своим пациентам, однако здесь возникают трудности, в основании которых, как считает Ференци, лежит его «непроанализированный остаток», что заставляет его вновь писать Фрейду и создавать новые теоретические концепты, каждый из которых ставит под вопрос одно из фундаментальных фрейдовских условий. Каждое нововведение — это открытие проблемы и вопрос/требование, обращенные к Фрейду. Так, активная техника, основанная на побуждениях и запретах, инструкциях анализанту, связанных либо с предложением сделать что-то, либо же, напротив, остановить делание,

* В этом делении я следую за Т. Бокановски, который относит неокатарсис к проблематике взаимного анализа.

задается вопросом об основном правиле психоанализа — о свободных ассоциациях. «Гибкая» техника проблематизирует правило нейтральности аналитика и ставит под вопрос его интеллектуальную дистанцированность. «Взаимный анализ» возвращает нас к метафизике травмы и психической защиты, вводит в предельно конфликтное поле открытости и закрытости, психических границ и дистанций, ставит аналитика, может быть, перед самым главным этическим вопросом: должен ли он защищаться от своего пациента и как возможна аналитическая открытость?

Ференци приходит к выводу, что иногда «непроанализированный остаток» разрастается, превращаясь в само «тело» психоанализа. Аналитическое взаимодействие заходит в тупик, в терапии нет никаких позитивных изменений, при этом характер сопротивлений совершенно иной, нежели тот, что предполагался Фрейдом. Никаких конфликтов между аналитиком и анализантом нет, внутренние процессы также не отмечены противоречиями. Правила соблюдаются, но при этом у аналитика возникает устойчивое впечатление, что анализ саботируется и срывается. Правило свободных ассоциаций является своего рода живым центром аналитической работы, поскольку сама возможность спонтанности свидетельствует о преодоленных сопротивлениях, об активации бессознательного мышления, способности производить связи. Невозможность свободно ассоциировать, отказ делать это, тип отказа — все это становится важнейшим ресурсом аналитической работы. Однако Ференци обращает внимание на демонстративное исполнение этого правила, когда анализант обрушивает на аналитика огромные количества «мусорного» материала, отвечая на попытки возразить, что он ведь именно следует просьбе аналитика. Бокановски предполагает, что уже здесь, пытаясь победить фальсификацию, Ференци оказывается в совершенно новом теоретическом горизонте — в горизонте расщепления, когда аналитик имеет дело не с вытеснением, а с отрицанием самой психической реальности и, вследствие этого, ускользанием из присутствия. Буквализация языка психоанализа обесмысливает и обесценивает эту символическую структуру, разрушая метафоры и рабочие идеализации. Ференци интуитивно схватывает тот важный факт, что аппарат психоанализа работает лишь до тех пор, пока его термины значат *что-то еще*, поэтому «активная» техника может быть понята как попытка репарации метафорической силы психоанализа, восстановление его символического измерения. Разрушая метафору, анализант бросает вызов не столько психоаналитику, сколько самому психоанализу, дискредитируя

само это мировоззрение, основанное на различии сознания и бессознательного. Для аналитика принять вызов и противостоять разрушению — означает необходимость найти для себя новое место и новую позицию. Судьба «активной» техники известна, она была буквально понята и горячо поддержана неофитами, что, в свою очередь, вызвало огорчение и раздражение Ференци и послужило причиной отказа от нее.

Вопрос о новой позиции возник снова в контексте идей «гибкой» (эластичной) техники. Здесь под вопрос был поставлен важнейший для Фрейда принцип фрустрации. Вместе с тем, Ференци снова и снова сталкивался с тем, что аналитическая нейтральность, столь значимая для Фрейда, формализовала терапию, вносила отчуждение, холод и недоверие в отношения аналитика и анализанта. Бокановски пишет, «после десяти лет аналитической практики он пришел к выводу, что клиническое наблюдение и переживание неразделимы»⁴. Невозможно занять независимую рефлексивную позицию, по-картезиански наблюдая за другим и за собой переживающим. Видение встроено в отношения. Представляется, что именно этот феноменологический сдвиг имел в виду Ференци, когда настаивал на том, что аналитические отношения должны быть аутентичными и персоналистичными. В этой новой модели взаимодействия аналитика и анализанта основными ценностями стали искренность, честность, доверие, такт. Крайне важно, что все эти характеристики мыслятся Ференци отнюдь не в психологическом ключе. Искренность он понимает как незащитность, честность как верность эмоциональной истине процесса и каждому его мгновению, доверие как обоюдную доступность к внутреннему миру другого, а такт как специфическое временное чувство. Ференци занялся разрушением эмоциональных стен, стоящих между ним и анализантом.

То, чему он пытается противостоять, создавая предельно интимизированную среду, это ранний травматизм, обычно связанный с материнской фигурой. Постепенно для Ференци становится все более значимой другая, отличная от Фрейда, перспектива понимания психического опыта, связанная не с судьбой влечений, но с «предельными состояниями психической (и иногда физической) боли — агонией душевной жизни»⁵. Именно в этот момент Ференци делает заявление о «непроанализированном остатке», говорит, что его анализ не был завершен, что кое-что было упущено. Он настаивает на продолжении и явно видит этот анализ совершенно другим, основанным на полной открытости, что, как он полагает, возможно между

старыми друзьями. Ференци стремится к равноправным и симметричным отношениям. Через некоторое время, когда в жизни Фрейда наступят трудные дни, Ференци сам предложит анализ Фрейду, на что Фрейд ответит с легкой саркастической усмешкой — отказом, разумеется. «Клинический дневник», который Ференци ведет в последний год своей жизни, насыщен размышлениями о взаимном анализе и о травме, как особом способе существования, отмеченном ускользанием из присутствия в силу совершившегося под воздействием травмы расщепления. Под травмой Ференци понимает как излишнюю тяжесть взрослой сексуальности (соблазнение, эротизация, агрессия), так и внезапно наступившую холодность, связанную с уходом в собственную депрессию или скорбь, и разорвавшую тесные эмоциональные связи, существовавшие между взрослым и ребенком.

Моделируя возможные ситуации «взаимного» анализа, Ференци, в качестве основного мотива выдвигает мотив этический. Он полагает, что аналитик сможет достичь более полного понимания анализанта только в том случае, если ему будут знакомы ужас и боль обнаженности и незащищенности перед лицом Другого. Аналитик должен знать, каково анализанту. Тогда он сумеет оказаться доступным для анализанта и последний сможет воспользоваться его интеллектуальным и душевным ресурсом. Продумывая возможную опасность Другого, Ференци размышляет о разных языках, на которых говорят взрослый и ребенок. Соблазняющая сила языка взрослого, неотделимая от агрессивности и внутренней противоречивости, свойственной генитальной сексуальности и знанию, оказывается тем, чему ребенок не в состоянии противостоять, и на что он не может не ответить. Ребенок не может не быть соблазнен, само по себе это не плохо, и не хорошо, проблема в последствиях. Ребенок или настаивает на сохранении исключительных (инцестуозных) отношений, пренебрегающих временем и пространством, предъявляя Другому абсолютное требование, которое невозможно удовлетворить, и тогда любая форма реальных отношений станет для него пренебрежением, повергающим его в глубокое отчаяние и одиночество, о котором взрослый не догадывается. Ференци называет это «террором страдания». Или же соблазнение развивается, становится сексуальным событием, о котором взрослый забывает, а ребенок интроецирует его вину и берет на себя ответственность как за произошедшее, так и за самого взрослого, становясь его психиатром и родителем. Такого субъекта Ференци называет «мудрым ребенком», сосредотачивая в этой метафоре всю асинхронию его временного опыта, преждевременность

и несвоевременность знания, становящуюся непереносимой, предельную хрупкость его внутреннего устройства. Легко заметить, что «мудрый ребенок» — это позднее открытие — является очень личной концепцией («мудрого ребенка мог выдумать только мудрый ребенок», говорил Ференци), тем зеркалом заднего вида, в котором отразилась вся история двадцатипятилетней дружбы и тесного сотрудничества двух человек.

Путь, пройденный психоанализом от фрейдových «Работ по методике и технике психоанализа» до «Клинического дневника» Ференци, огромен. Недостаточно сказать, что это путь от отцовской фигуры к материнской, такая формальная разметка мало что нам объяснит. Это путь от первых триумфов катартического метода к неудачам и поражениям, остановкам, болоту и тупикам, а значит — к постановке вопроса об условиях возможности психоанализа. Как он вообще возможен? Задать этот вопрос в 1930-е гг., на волне победного шествия психоанализа по Европе и стремительного распространения в Америке — означало решиться на новое начало.

Опыт катастроф и поражений, с которым психоанализ начал знакомиться в 1920-е гг., исследуя все более гладкие и непроницаемые поверхности психического, потребовал от психоаналитиков новых качеств, связанных с неизбежностью долгого пребывания в пустыне психической реальности. Значимость фигуры Шандора Ференци, на наш взгляд, в том, что он сумел сохранить страсть трагического героя в посттрагической ситуации, — там, где страсть эта лишилась поддерживающего контекста и оставалась лишь его личным делом; там, где и сам главный протагонист, Фрейд, в силу разных обстоятельств, утратил трагический темперамент.

Нарциссические ландшафты, которые в следующие полвека ожидали психоанализ, питались и поддерживались идеализацией, обесцениванием, эротизацией, изоляцией, расщеплением, то есть теми защитными инструментами, которые чрезвычайно эффективно разрушают не только личные смыслы, но и все то, что необходимо для их создания, прежде всего, фальсифицируя саму психоаналитическую коммуникацию. Легитимация психоанализа, безусловно, сыграла в этом свою роль. Развитие психоаналитического движения, становление системы образования, сертификации аналитиков требовало фиксации канона и следования ему. Весь психоаналитический аппарат был вычищен, приведен к однозначности и помещен в во вполне определенный функциональный контекст. Работы Фрейда использовались как стартовая

площадка для создания понятного и эффективного словаря. Нейтральность, фрустрация, перенос, контрперенос, для первого поколения психоаналитиков служившие, прежде всего, методологическими ориентирами, превратились в технические термины. Первый этап истории психоанализа был завершён.

Теперь, когда возвращение к начальной эпохе психоанализа, предстаёт сущностной необходимостью, коллизия Фрейда и Ференци, в которой так тесно переплетено, личное, клиническое и теоретическое, позволяет увидеть крайне важную вещь. Все эти концепты — нейтральность, фрустрация, перенос — не являются собственностью психоаналитической эпистемы, они вообще не являются понятиями, но представляют собой исток психоанализа. Они суть равноисходность моментов, из которых психоанализ рождается — в качестве пространства, времени, опыта. Каждый из этих моментов — это радикальное вопрошание о психоанализе как коммуникации и опыте вопрошания, о психоаналитике и способах его бытия, об анализанте, его страдании и перспективах. Требование нейтральности ставит вопрос о специфике присутствия аналитика, фрустрация — о психической боли и о способах бытия, организуемых болью, перенос — об особой intersubjectивной фигуре, характеризующейся избытком взаимосоотнесенности, контрперенос — о мышлении, и о способе мыслить мысли друг друга.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Бокановски Т.* Шандор Ференци. М., 2013. С. 15.

² *Ференци Ш.* Феномен «материализации» истерии // Ференци Ш. Тело и подсознание. М., 2003. С. 72.

³ *Фрейд З.* Анализ конечный и бесконечный // Фрейд З. Сочинения по технике лечения. М., Учебное издание, 2008. С. 362.

⁴ «After a decade of analytic practice, he came to the conclusion that clinical observation and experience (Erlebnis) were inseparable». — *Bokanowski T.* Sandor Ferenczi: Negative Transference and Transference Depression // *Ferenczi's Turn in Psychoanalysis* / Ed. by Peter L. Rudnytsky, Antal Bokay and Patrizia Giampieri-Deutsch. New York University Press, 1996.

⁵ *Бокановски Т.* Шандор Ференци. М., 2013. С. 102.